

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.¹

Актуальность исследования миграции крестьянства Центральной России в позднейимперский период связана с недостаточной изученностью этого процесса в рамках отдельных регионов и отсутствием работ по Орловской губернии. В статье на основании широкого архивного материала подробно изучена миграция крестьянства Орловской губернии в позднейимперский период, совпавший с периодом столыпинских преобразований. В ней рассматриваются факторы, влиявшие на процесс переселения. В статье рассмотрены информационные возможности источников, позволивших характеризовать миграционные процессы не просто как механическое движение населения, но и как социально-демографическое явление. Комплексное изучение архивного материала осуществлено при помощи как традиционных научных методов (системный анализ, структурный подход, ретроспективный и т. д.), так и новейших методик, таких как цивилизационный подход и вытекающая из него теория модернизации аграрного общества. В ходе исследования было выяснено, что миграция с территории Орловской губернии была постоянным явлением в изученное время (1900–1914 гг.). Миграционный поток из Орловской губернии в исследуемый период равнялся 8,8 %, что составляло около 36 % от уровня естественного прироста населения. Наибольший отток жителей происходил в чисто аграрных уездах и был минимальным там, где имелись возможности для занятия промыслами, приработками в городах, была развита промышленность. Процесс урбанизации и промышленного роста региона был на низком уровне и не мог поглотить избыточное количество рабочих рук, особенно тех, кто был занят в сельском хозяйстве. Это являлось важным стимулирующим к выселению фактором. Таким образом, миграция являлась вынужденной мерой трудоустройства необходимой для жизнеобеспечения быстро растущего населения губернии.

Ключевые слова: историческая демография, аграрная миграция, крестьянство, Российская империя, Орловская губерния

Миграции являются естественной частью демографического поведения населения. В основе этого процесса лежит желание человека, отдельных групп, а порой и целых сообществ в освоении новых, как правило, более комфортных для проживания территорий. Для традиционных или находящихся на этапе формирования индустриальных обществ наиболее характерно аграрное переселение. Промышленный переворот и стремительный рост сельского населения России в конце XIX — начале XX вв. способствовали усилению процесса миграционного движения крестьянства.

¹ © Жиров Н. А. Текст. 2018.

Наша страна на протяжении всей своей истории никогда не испытывала существенных проблем с расселением увеличившегося населения. Можно было наблюдать процесс планомерной аграрной колонизации Центрального Черноземья, Поволжья, Юга России и степных пространств Новороссии. Эти области империи отличались хорошими природно-климатическими условиями для развития земледелия, но их земельный фонд к началу XX в. в значительной степени либо был исчерпан, либо мог навредить существованию товарного сельскохозяйственного производства. Дальний Восток, степные пространства современного Северного Казахстана, Сибири заселялись медленно по причинам как их удаленности от Европейской части России, так и неблагоприятных природно-климатических условий для земледелия, кроме небольшой полосы, тянувшейся от Южного Урала до Приморья.

Индустриальная миграция, санкционированная во много государством еще при Петре I, способствовала росту промышленных предприятий и поселков на Урале и районе Санкт-Петербурга. По мере урбанизации рост городского населения постепенно стал увеличиваться за счет жителей села, но по-настоящему масштабным этот процесс стал в пореформенную эпоху. К началу XX в. сформировался Центральный промышленный район, с преимущественно текстильной или обрабатывающей промышленностью. Местное крестьянство активно пополняло ряды рабочих на местных фабриках, а переселение в город стало приобретать массовый характер.

Трудовая миграция, в которой в большей степени были задействованы мужчины трудоспособного возраста, свойственная промышленным неземледельческим областям России, постепенно стала проникать и в аграрные губернии. Орловской губернии, экотонной по своему характеру, на рубеже XIX–XX вв. были свойственны все основные типы миграций населения, хотя наиболее массовой была традиционная аграрная. Целью данного исследования является общий обзор миграционного потока с территории Орловской губернии, так как детальный анализ этого процесса слишком объемён и не сможет вписаться в представленную статью.

В отечественной историографии изучение миграционных процессов, наблюдавшихся в позднеимперской России, в большей степени связано с рассмотрением аграрного переселенческого движения [12, 13]. В современной российской исторической науке наметился рост числа исследований отдельных явлений в аграрной миграции, стала развиваться регионализация этой научной тематики [1, 2]. По данной теме имеются труды и иностранных коллег [7]. Комплексное освещение миграционных процессов относительно территории аграрного пояса Центральной России представлено в трудах Иноземцева, Курцева и Чуркина [9, 10, 14], а в рамках исследования отхожих промыслов рассмотрена трудовая миграция в работе Перепелицина [11]. В этих работах частично затрагивается тема переселения орловского крестьянства в дореволюционную эпоху, но полного детального изучения не проводилось.

Имперская статистика не дает комплексного представления о миграционном потоке в Орловской губернии в начале XX в. Точные сведения имеются только по аграрным переселенцам, но не за весь исследуемый период. Стоит учесть отсутствие конкретных цифр о числе обратных переселенцев, довольно приблизительны данные о самовольных выселенцах. Еще более сложная ситуация с трудовой миграцией и переселением в промышленные зоны России (преимущественно для Орловщины это районы Донбасса и шахтерские поселки на территории современной Ростовской области).

В качестве основного метода вычисления миграции были использованы математические подсчеты разницы между суммированным естественным приростом за все годы (1900–1914) и численностью жителей за тот же период. Данный подход имеет свои непринципиальные недостатки, но только поиск и привлечение новых источников по миграции могут избежать лишних погрешностей, на что будут нацелены последующие исследования.

Основным источником для вычисления миграции были выбраны материалы губернской статистики — подборка Обзоров Орловской губернии за исследуемый период (1900–1914 гг.). Также были использованы архивные документы, отражавшие аграрное переселение с территории губернии в исследуемый период времени [3–6]. Частично тема аграрной миграции затронута в ряде работ автора статьи [8]. В представленной таблице ниже таблице приводится информация по уездам и в целом по региону о росте численности жителей и естественном приросте населения.

На основании приведенных цифр можно утверждать, что естественный пророст населения в губернии за период составил 556 582 чел., при этом численность жителей выросла на 354 447 чел. Разница между приростом и численностью орловцев (202 135 человек) может быть предполагаемой миграцией за пределы Орловского края в течение исследуемых 15 лет.

О характере и возможных причинах переселения можно узнать, если рассмотреть переселенческое движение по отдельным уездам губернии.

Самая высокая степень миграции была зафиксирована в Кромском уезде, за пределы которого за 15 лет выехало 25 000 чел., или 22,1 % жителей. Только благодаря высокому естественному приросту населения оно увеличилось на 2421 чел. Одной из главных причин этого явления была нехватка земли и отсутствие экономических условий для жизни увеличивавшегося населения.

К территориям с высокой степенью миграции необходимо отнести Дмитровский, Ливенский и Малоархангельский уезды (табл. 1). Они были чисто сельскохозяйственными, небольшое число предприятий обрабатывающей промышленности имелось в Ливнах. Миграционный поток из Дмитровского уезда составил 19 200 чел. Исходя из уровня роста численности населения видно, что на промежутке с 1903 г. по 1909 г. количество жителей в уезде оставалось фактически одинаковым, следовательно,

Таблица 1

Численность населения и естественный прирост в уездах Орловской губернии в 1900–1914 гг.*

Уезд	Численность населения		Естественный прирост	Миграция
	1900 год	1914 год	1900–1914 гг.	1900; 1914 гг., %
Брянский	197290	259199	70110	3,5; 11,7
Болховский	125279	153996	30936	1,4; 7,2
Дмитровский	108232	119978	30947	16; 62
Елецкий	261690	322780	76590	4,8; 20,2
Карачевский	128857	147477	32177	9,1; 42
Кромский	110760	113181	27465	22,1; 91,2
Ливенский	291370	325642	84434	15,4; 59,4
Малоархангельский	178946	202318	47208	11,8; 49,5
Мценский	100485	116479	22242	4,3; 32,5
Орловский	146460	174462	36590	4,9; 23,2
Севский	155566	184315	47945	10,3; 39,6
Трубчевский	135713	175268	49211	5,7; 20,3
Все уезды	1940648	2295095	556582	8,8; 36,3

* По данным Обзоров Орловской губернии за 1900–1915 гг.

основной миграционный поток населения пришелся именно на эти годы (это же предположение подтверждают данные по аграрному переселению в Сибирь и на Дальний Восток). Количество переселенцев в Ливенском уезде было велико — 50156 чел. Подавляющее большинство выехало в рамках столыпинской программы переселения. Такая же тенденция наблюдалась и в Малоархангельском уезде. Его населения выросло за исследуемое время на 23372 чел., а суммарный естественный прирост за аналогичный период составил — 47208 чел. Вследствие этого миграция из уезда равнялась приблизительно 23836 чел., то есть увеличившееся население заметно превышало те экономические ресурсы, которыми располагал уезд.

К уездам с умеренной миграцией можно отнести Севский (10,3 %) и Карачевский (9,1 %) уезды. Отток населения мог служить свидетельством нехватки земельных ресурсов у крестьянства, а также отсутствием других видов хозяйственной деятельности, которые бы поглотили избыток рабочих рук. Например, аграрное переселение из Карачевского уезда стало массовым, начиная с 1893 г., и составляло до нескольких тысяч человек в год.

Естественный прирост в Трубчевском уезде составил за рассмотренный период 49221 чел., а население выросло при этом 39555 чел., то есть за пределы уезда уехало почти 10000 чел. (5,7 %). В уезде еще имелся фонд не введенной в сельскохозяйственный оборот земли, а высокую прибыль местным жителям (в отличие от упомянутых ранее уездов) приносили промыслы, в том числе и лесной.

Невысокая степень переселенческого движения была зафиксирована в Орловском (4,9 %), Елецком (4,8 %), Мценском (4,3 %) и Брянском уездах (3,5 %).

В Орловском уезде естественный прирост составил за рассмотренный период 36590 чел., а население выросло при этом 28002 чел., то есть, за пределы уезда уехало почти 8500 жителей. За исследуемый период население Мценского уезда выросло на 16000 чел., а естественный прирост за аналогичный отрезок времени составил 21300 чел. Население в Елецком уезде увеличилось за период на 61090 чел., а суммарный естественный прирост за аналогичное время составил 76590 жителей.

Экономическая ситуация в Орловском, Елецком, Мценском и Брянском уездах была заметно лучше, чем в других. Губернский центр впитывал в себя сельское население своих окраин, а также давал работу для жителей соседних Мценского и Болховского уездов. В Мценске активно развивались промыслы и местная промышленность. Все это способствовало замедлению миграции, хотя после 1907 г. стало ощущаться ее усиление.

В самом западном уезде губернии — Брянском, развитом в промышленном отношении, мигрировало за изученный период чуть более 8200 чел. Этот факт подтверждает то, что жители уезда могли успешно трудоустроиваться в своей местности и Брянский уезд существенно не был поглощен волной миграции крестьянского населения, что было характерно для земледельческих районов.

Минимальный отток населения (всего 2219 чел., или 1,4 %) был зафиксирован в Болховском уезде. Возможная причина могла состоять в том, что в Болховском уезде были развиты промыслы и кустарное производство, и много рабочих требовалось на переработку сельскохозяйственной продукции. Хотя земельные ресурсы имелись в ограниченном количестве, тот механизм воспроизводства населения, который существовал, мог вполне обеспечивать развитие роста населения и его дальнейшего трудоустройства в своем уезде. Но, все-таки это явление требует более детального изучения, так как похожая ситуация с местным трудоустройством была и в ряде соседних уездов, но миграция была на порядок выше.

За период с 1900 г. по 1909 г. объем только аграрной миграции составил чуть более 62000 чел. Информация за остальной период о переселенцах в фондах ГАОО (Государственного архива Орловской области) отрывочна и не полна. Точных данных об иных формах переселения (количество выселявшихся, местах их вселения и т. д.) также нет. Работа по поиску источников и введении их в научный оборот будет продолжена после изучения фондов столичных архивов, например Государственного архива Российской Федерации.

В целом по губернии уровень естественного прироста сельских жителей в начале XX в. был стабильно положительным. Он обеспечивался еще высокой традиционной рождаемостью и постепенно снижающейся смертностью местного населения. Поэтому можно считать уместным

сложившийся в современной российской историко-демографической литературе тезис о начале демографического перехода в России в первом десятилетии XX в.

Миграционный поток из Орловской губернии в исследуемый период равнялся 8,8 %, что составляло около 36 % от уровня естественного прироста населения. Таким образом, напрашивается вывод, что число выселявшихся орловчан было недостаточно для преимущественно сельскохозяйственного региона.

Аграрное переселение в структуре общей миграции населения исследуемого периода, несомненно, сыграло значительную роль в решении социально-экономических проблем русской, в том числе орловской деревни, но это был лишь кратковременный эффект в снижении демографической нагрузки на природные ресурсы (в первую очередь пахотные угодья). Это обстоятельство неминуемо вело к дальнейшему обострению земельного вопроса в губерниях аграрного пояса Центральной России. Столыпинская реформа, призванная решить проблему, смогла частично смягчить, но не решить полностью аграрный кризис в русской деревне. Процесс урбанизации и промышленного роста региона был на низком уровне и не мог поглотить избыточное количество рабочих рук, особенно тех, кто был занят в сельском хозяйстве. Это также являлось еще одним стимулирующим к миграции фактором.

Список источников

1. Безгин В. Б., Токарев Н. В. Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований // Аграрное освоение и демографические процессы в России X-XXI вв. XXXV Сессия симп. по аграрной истории Восточной Европы. Уфа, 20–23 сентября 2016 г. — Уфа, 2016. — С. 130–132.
2. Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии. 1906–1914 гг. — Кемерово: [б. и.], 2003. — 176 с.
3. Государственный архив Орловской области (ГАОО) Ф.34. Оп.1. Д. 131.
4. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.525. Оп.1. Д. 143.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 525. Оп.1. Д. 226.
6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 525. Оп.1. Д. 675.
7. Дорожкин А. Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германской историографии // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 116–135.
8. Жиров Н. А. Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда как источник по изучению столыпинской переселенческой политики в начале XX в. // История. Факты и символы. — 2016. — № 4 (9). — С. 141–146.
9. Иноземцев И. В. Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861–1914 гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2005. — 24 с.
10. Курцев А. Н. Особенности переселений российского крестьянства за 1861–1917 гг. на примере Центрально-черноземного региона // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 8. — С. 303–309.
11. Перепелицын А. В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. — Воронеж : ВГПУ, 2005. — 171 с.

12. *Пожарская К. А.* Столыпинские переселенцы на Алтае. Хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2009.

13. *Тюкавкин В. Г.* Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 304 с.

14. *Чуркин М. К.* Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 3 (35). — С. 21–29.

Информация об авторе

Жиров Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (399770, Россия, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28 e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

Zhirov N. A.

Migration Processes in the Orel Province in the Early XX Century

Actuality of the research migration of the central Russia peasants in the late-imperial period is connected with insufficient study of this process within the frames of separate regions and with the absence of works on Oryol province. The article studies in detail the agrarian migration of Oryol province peasants in the late-imperial period of Stolypin reforms on the basis of vast archives materials. The article deals with the factors affecting the process of migration and gives characteristics of installation places. The article dwells upon the informational possibilities of the sources, which allowed to characterize migration processes as not only the population mechanical movement, but also as a social and demographic phenomenon. Complex study of the archives materials was made by both traditional scientific methods (systemic analysis, structural approach, retrospective approach, etc.) and the new ones, such as civilization approach and following from it theory of agrarian society modernization. During the research it was found out that migration from the territory of Orel province was a constant phenomenon in the studied period (1900–1914). The migration stream from the province of Orel in the study period was equal to 8,8%. Urbanization and industrial growth in the region were low and could not absorb excess labour. This was an important incentive for eviction. Thus, migration was a forced measure of employment necessary to sustain the rapidly growing population of the province.

Keywords: historical demography, agrarian migration, the peasantry, the Russian Empire, Oryol province

References

1. Bezgin V. B., Tokarev N. In. Reverse the resettlement of peasants in Tambov the period of the Stolypin reforms // Фгрикультурал development and demographic processes in Russia X-XXI century. The XXXV session of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe, Moscow, September 20–23, 2016. М., 2016. — p. 130–132.
2. Belyanin D. N. Stolypin resettlement policy in Tomsk province (1906–1914) — Kemerovo: [b. I.], 2003. — 176 p.
3. GAOO — State archive of the Oryol region. F. 34. Op. 1. D. 131.
4. GAOO. State archive of the Oryol region F. 525. Op. 1. D. 143.
5. GAOO. State archive of the Oryol region F. 525. Op. 1. D. 226.
6. GAOO. State archive of the Oryol region F. 525. Op. 1. D. 675.
7. Dorozhkin A. G. Stolypin agrarian reform in the estimates of modern German historiography // History. — 2006. — No. 2. — P. 116–135.
8. Zhirov N. A. Account of the representative of province local administration Pozdnyakov N. N. about the trip to West Siberia for getting acquainted with the lands of colonization fund as a source for studying Stolypin's re-settlement policy in the early XX century // [Russ]. Istoriya: fakty i simvol. — 2016. — № 4 (9). — P. 141–146.

9. Inozemtsev V. I. the Migration of the peasants of Voronezh province in the years 1861–1914]. dis. ... kand. east. sciences'. Voronezh, 2005. — 24 p.

10. Kurtzew, A. N. Features of migrations of the Russian peasantry in 1861–1917 on the example of Central black earth region // Vestnik of Tomsk state University. — 2008. — №. 8. — P. 303–309.

11. Perepelitsyn, V. A. Peasant crafts in the Central black earth provinces of Russia in the post-reform period /V. A. perepelitsyn. — Voronezh : VSPU, 2005. — 171 p.

12. Pozharskaya C. A. Stolypin's settlers in the Altai: economic development and sociocultural adaptation: author. dis. ... kand. east. sciences'. — Barnaul, 2009.

13. Tyukavkin V. G. Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform. — M. : Monuments of historical thought, 2001. — 304 p.

14. Churkin M. K. Migration behavior of the Russian peasantry in government and political discourse of the second half of XIX — early XX centuries //Bulletin of the Tomsk state University. History. — 2015. — № 3 (35). — Pp. 21–29.

Author

Nikolaj Anatol'evich Zhiron — PhD (History), Bunin Yelets State University (399770, Russia, Lipetsk region, Yelets, Kommunarov str., d. 28 E-mail: zhiron-nikolai@mail.ru).